

Если друг оказался вдруг. Россия, страны Азии и война в Украине

Анна Бровко Настоящее Время

менее минуты назад

 Приоритетный источник в Google

Магистральный газопровод "Сила Сибири" запустили в 2019 году. Он качает газ из Якутии (Чаяндинское месторождение) на Дальний Восток и в Китай. "Сила Сибири-2" должен был связать газовые месторождения на Ямале с Китаем через территорию Монголии

Влияние Москвы на самых близких ее соседей ослабевает, пишет Европейское издание EUobserver. Так ли это на самом деле?

Так, Казахстан недавно запретил большую часть импорта российской пшеницы, а крупнейший торговый партнер России – Китай – нанес Москве сразу два ощутимых удара. Во-первых, Пекин отказался поставлять морские силовые установки для судов, которые Россия планировала использовать для развития Северного морского пути в Арктике. Во-вторых, фактически остановил проект газопровода "Сила Сибири-2". Через него Россия рассчитывала ежегодно поставлять в Китай до 50 млрд кубометров газа.

Как отмечает EObserver, главной причиной стали ценовые требования Пекина. Китай готов покупать российский газ примерно по \$50 за тысячу кубометров – это в пять раз меньше, чем рассчитывала Москва. Американская газета Wall Street Journal [пишет](#), что война против Украины окончательно превратила Россию в младшего партнера Китая.

В Кремле с этой оценкой не согласны. "Отношения между Российской Федерацией и Китайской народной республикой строятся на принципе равенства, поэтому тезис о младшем партнере в лице Москвы является ошибочным", – заявил пресс-секретарь Владимира Путина Дмитрий Песков.

Действительно ли Китай и ближайшие соседи России тихо удаляются от Москвы, заинтересован ли Китай в строительстве газопровода "Сила Сибири-2", и насколько Россия нуждается в Китае, телеканал Настоящее Время [спросил](#) у Ивана Пешкова, директора Центра исследований Центральной Азии Университета им. Адама Мицкевича.

– Сразу несколько мировых изданий пишут, что Китай и ближайшие соседи России меняют курс и тихо удаляются от Москвы. Согласны ли вы с такой оценкой?

– Все зависит от того, какой мы примем язык. Если мы говорим о "языке дружбы и союзничества", то, наверное, можно так увидеть, хотя, мне кажется, это несколько эмоциональная оценка, потому что с самого начала войны все соседи России, которые воспринимаются как союзники или ее "друзья" сталкиваются с набором факторов, которые идут в разные стороны. Прежде всего, это желание сохранить

какие-то отношения и заработать на рынке. Второе, это страх попасть под западные санкции и желание занять места, которые Россия оставляет. А третье – это попытка все-таки не разорвать с Россией [связи] до конца, не стать ее экзистенциальным противником в этой нервной атмосфере.

Мы видим достаточно сложную систему, когда предыдущая довоенная модель полностью разрушена, страны пытаются сохранить какие-то возможности зарабатывать на российском рынке и минимальный контакт с Россией, но при этом, с одной стороны, реагируют на текущую ситуацию, которая, конечно, очень сильно бьет по имиджу России как надежного поставщика нефти, а с другой стороны, идет уже попытка выстраивать какие-то структуры для послевоенного мира.

Поэтому мы видим все время движение вперед и назад, вперед и назад, но тенденция есть. Идет определенное отдаление и попытка выстроить с Россией новую модель отношений.

– Я правильно понимаю, что, опасаясь санкций, эти страны публично говорят, что они не будут так активно сотрудничать с Россией, как раньше, но на самом деле партнерство продолжается?

– Конечно, партнерство продолжается. Другое дело, что это партнерство должно быть выгодным, и, естественно, ситуация меняется резко. Это партнерство имеет несколько этажей. Есть партнерство между государствами, есть партнерство между гражданами, которые пытаются участвовать в экономике обхода санкций, это огромная индустрия, в которой участвует огромное количество жителей СНГ.

“ Ни о какой блокаде России, ни о каком разрыве связей речь не идет

Здесь достаточно сложный клубок проблем, но, в общем-то, постоянно идет лавирование, как сохранить какой-то минимум отношений, заработать на этой ситуации и при этом не попасть под санкции. Потому что, в отличие от России,

которая как бы вошла в прямую конфронтацию с Западом, азиатские страны, в том числе Китай (несмотря на то, что является важным элементом коалиции войны Иран-Китай-Россия-Северная Корея) достаточно аккуратно стараются избегать санкционных рисков для своих экономик. При этом, конечно, ни о какой блокаде России, ни о каком разрыве связей речь не идет.

Речь больше идет о попытке выстроить максимально эффективную на этот момент (на базе сегодняшнего понимания ситуации) модель сотрудничества, в том числе, и заработка на ситуации, в которой Россия оказалась сейчас.

– Насколько Россия сегодня нуждается в Китае?

– Здесь две крайности. Сегодня Россия нуждается в Китае. Сегодня Россия очень сильно зависит от китайской экономики. Другое дело, что если после этих двух очевидных факторов мы делаем вывод, что Россия превратилась в "младшего вассала Китая" и так далее – это, мне кажется, немножко эмоциональные оценки.

Естественно, вероятность того, что конфронтация с Западом, разрыв всех экономических связей с Евросоюзом приведет к экономической зависимости от Китая, российскими властями учитывалась.

“ Без китайской поддержки ситуация в российской экономике выглядела бы совершенно по-другому

Насколько эта зависимость будет долгой, насколько она будет сохраняться после войны, сейчас трудно сказать. Но на сегодняшний день, конечно, Китай играет ключевую роль в адаптации российской экономики к условиям беспрецедентного санкционного давления. Поэтому без

китайской поддержки ситуация в российской экономике выглядела бы совершенно по-другому.

– Один из ключевых для России вопросов – строительство газопровода "Сила Сибири-2" . Что будет с ним? Китай в этом проекте больше не заинтересован или просто выторговывает выгодные цены?

– Я думаю, что Китай, если мы посмотрим на его отношения с Евросоюзом и с Америкой, всегда очень жестко торгуется. Китай очень эластично торгуется, то есть он пересматривает достигнутые договоры, как только ситуация меняется. И сейчас Россия не в лучшей позиции, она потеряла имидж надежного партнера, она сама нуждается (во что еще несколько лет назад нельзя было поверить) в поддержке, в доступе к каким-то ресурсам, нефтяным и газовым. Китай пользуется этой ситуацией, пытается сбить цену. Я думаю, что мы видим начало очень жестких переговоров. Все время падают цифры, что Россия ожидает \$250 долларов за кубометр газа, Китай предлагает \$50, но я думаю, где-то посередине они сойдутся.

Пока мы видим очень жесткую, иногда безжалостную китайскую манеру торговаться. "Сила Сибири" не была проектом, о котором Китай просил Россию, хотя Китай был в нем заинтересован. Просто пока Россия не изменит имидж и не вернется к образу стабильного партнера, цена ее услуг будет падать и китайцы здесь абсолютно не сентиментальны. Как только ситуация меняется, они очень жестко проводят свою политику. За непредсказуемость, за риски нужно платить, и Китай пытается эту оплату перевести на Россию.

– Что должно произойти, чтобы Россия пошла на уступки Китаю и существенно снизила цену на газ, который пойдет по "Силе Сибири-2"?

– Я думаю, она существенно снизит цену, но, наверное, не на китайских условиях. Если в двух словах.

Президент России Владимир Путин на церемонии соединения первого звена магистрального газопровода "Сила Сибири" в районе села Ус Хатын, Россия. Якутская область. 1 сентября, 2014 года. Фото ТАСС

Центральная Азия выбрала осторожность

После начала полномасштабной войны России против Украины все государства Центральной Азии заявили о нейтральной позиции. Ни одна из стран региона не признала ни российскую аннексию Крыма в 2014-м, ни последующий захват четырех украинских областей в 2022-м. При этом президенты практически избегают публичных оценок самой войны, пишет Азаттык Азия.

Президенты стран Центральной Азии в Чолпон-Ате, 21 июля 2022 года

На этом фоне выделяется лишь заявление президента **Казахстана** Касым-Жомарта Токаева летом 2022 года на Петербургском экономическом форуме. Находясь на сцене рядом с Владимиром Путиным, он заявил, что Казахстан не признает так называемые "ДНР" и "ЛНР" – сепаратистские образования на оккупированном востоке Украины. Токаев назвал их квазигосударственными территориями:

"Если право нации на самоопределение в реальности будет реализовано на всем земном шаре, то вместо 193 государств, которые сейчас входят в состав ООН, на земле возникнет более 500 или 600 государств. Конечно же, это будет хаос. По этой причине мы не признаем ни Тайвань, ни Косово, ни Южную Осетию, ни Абхазию. И, по всей видимости, этот принцип будет применен и в отношении квазигосударственных территорий, коими, на наш взгляд, является Луганск и Донецк", – заявил тогда Токаев.

Владимир Путин и Касым-Жомарт Токаев на Петербургском экономическом форуме, 17 июля 2022 года

Эти слова казахстанского президента стали одной из самых обсуждаемых политических тем года. Многие восприняли их как демонстрацию самостоятельной позиции Казахстана. Они словно нивелировали его заявление от 2019 года, когда в интервью Deutsche Welle Токаев сказал, что не считает события 2014 года в Крыму "аннексией". Однако впоследствии риторика официальной Астаны стала заметно более сдержанной.

"Касым-Жомарт Токаев выбирает максимально нейтральные выражения по поводу войны. В прошлом году, к примеру, он начал даже говорить, что Россия непобедима на поле боя. Эти формулировки показывают, что Казахстан находится в зависимости от России. Наши лидеры пытаются не провоцировать Москву, не ставить себя в позицию оппонирующей", – считает директор независимого исследовательского центра PaperLab, социолог **Серик Бейсембаев**.

Зависимость определяет риторику

По мнению Бейсембаева, позиция Центральной Азии по войне в Украине объясняется уровнем зависимости от России.

"Казахстан, как все знают, экспортирует нефть через **КТК** , который проходит через территорию России, и это является одной из главных уязвимостей. Потому что были моменты, когда Россия по тем или иным причинам останавливала транспортировку, что отражалось на экономической ситуации в Казахстане. Кроме

Photo from Serik Beisembayev's archive. (Courtesy Photo)

Серик Бейсембаев

этого, в политическом плане страны Центральной Азии находятся в более уязвимом положении. Казахстан имеет самую большую сухопутную границу с Россией. Мы находимся в союзе с Россией в рамках ОДКБ. Это накладывает ограничения на то, что наши лидеры могут заявлять по поводу острой темы – войне в Украине", – объясняет эксперт.

Кыргызстан и Таджикистан практически полностью зависят от поставок топлива из России, а российский рынок труда многие годы остается одним из главных источников доходов для сотен тысяч трудовых мигрантов из региона.

По словам бывшего посла Кыргызстана в Азербайджане **Кайрата Осмоналиева**, именно поэтому любое резкое заявление президентов этих стран может иметь вполне практические последствия.

"Вот, представьте, допустим, президент одной из этих стран пошел и выступил [с критикой России]. Чем это обернется? Начнутся гонения, депортации [мигрантов], вернувшиеся мигранты начнут возмущаться, найдутся люди, которые скажут:

"недальновидный политик, неосторожные высказывания", разные интерпретации могут

“Считают, что выступить как Алиев, может, и хочется, но рискованно

какие-то риски и, по всей видимости, считают, что выступить, **как Алиев** , может, и хочется, но рискованно", – говорит Кайрат Осмоналиев.

Кайрат Осмоналиев

быть, но

это может кончиться потенциальными рисками того, что будет недовольство. Качнется так, что качнется и под ними. Потому что это социально-экономический кризис. А это всегда двигатель смен режимов. Власти все-таки просчитывают

Молчание президентов Кыргызстана, Узбекистана, Таджикистана и Туркменистана

За более чем четыре года полномасштабной войны России против Украины президенты **Кыргызстана, Узбекистана, Таджикистана и Туркменистана** ни разу

публично не говорили об оккупации украинских территорий или ответственности России за войну.

Их заявления, как правило, касаются исключительно необходимости скорейшего прекращения боевых действий и поиска политико-дипломатических путей решения. О самой войне президенты стран региона говорят вскользь. Как, например, лидер Узбекистана Шавкат Мирзиев на саммите "Центральная Азия – США" шестого ноября 2026 года.

Президенты стран Центральной Азии на саммите "США — Центральная Азия" в Вашингтоне, 6 ноября 2025 года. Фото Reuters

"В Узбекистане говорят, президент Трамп – это президент мира. Вы сделали очень многое – смогли остановить восемь войн. И я уверен, что войну между Россией и Украиной сможете остановить только вы. Мы очень на это надеемся", – заявил тогда Мирзиев, обращаясь к Трампу.

Вокруг позиции президента Кыргызстана Садыра Жапарова в первые дни войны возникла также неоднозначная ситуация. После телефонного разговора Владимира Путина и Жапарова Кремль [сообщил](#), что лидер Кыргызстана "выразил поддержку действиям России по защите мирного населения Донбасса", однако в официальном [заявлении](#) администрации Жапарова подобных формулировок не содержалось.

Садыр Жапаров и Владимир Путин в Москве, 7 февраля 2025 года

Президент Таджикистана Эмомали Рахмон и президент Туркменистана Сердар Бердымухамедов относительно войны в Украине не сделали ни одного открытого и прямого заявления.